

Демографические проблемы России в глобальном контексте

А. Вишневский

Доклад на 4-й Международной научной конференции
«Модернизация экономики России: социальный контекст»

Москва, 2-4 апреля 2003 года

Демографические тенденции и проблемы России сегодня у всех на слуху. При этом они чаще всего упоминаются или анализируются в контексте реформ 90-х годов и объясняются разного рода факторами и причинами, действующими здесь и сейчас. Вопрос, который я хочу рассмотреть в своем сообщении, заключается в том, можно ли и нужно ли при анализе российской демографической ситуации учитывать и мировые, глобальные тенденции, и как сказывается такой учет на нашем понимании происходящего.

Нельзя рассматривать демографические проблемы России только в контексте ее собственных проблем и оценивать их только с точки зрения ее собственных интересов. Это, может быть, и патриотично, но не продуктивно, а значит, в конечном счете, не полезно, а вредно для России, как впрочем, и для любой другой страны.

Сейчас слово «глобализация» - у всех на устах, но что может означать глобализация – хоть с положительным, хоть с отрицательным знаком – как не возросшую зависимость каждого отдельного национального организма от всего мирового целого, не резко возросшую «встроенность» его в это целое и все большую утрату индивидуального вектора развития? Все меньшее значение имеют местные, локальные особенности, все большее – общемировые тенденции.

Разные глобализационные процессы проникают внутрь национального тела на разную глубину, и далеко не все из них затрагивают каждого жителя планеты или даже их большинство. Как ни бурно развиваются современные средства транспорта, связи и т.п. и как это ни важно для глобального сплочения, на Земле все еще есть миллиарды людей, которые не пользуются или почти не пользуются ни самолетами, ни телефоном, ни Интернетом и продолжают жить, как если бы ничего этого не было. Даже мощные импульсы становящегося все более единым мирового рынка доходят далеко не до каждого или доходят в сильно смягченном, «размазанном» виде и все еще не затрагивают условия существования миллиардов человек мирового крестьянства.

А вот о демографических изменениях этого не скажешь. С моей точки зрения, трудно найти более всеобъемлющий, всепроникающий глобализационный процесс, чем распространение современных лекарств, медицинских технологий и санитарных норм, приведшее во второй половине XX века к небывалому снижению смертности даже в самых глухих уголках мира. И дело не только в том, что снижение смертности ощущается буквально повсюду. Дело еще и в том, что его воздействие особенно глубоко даже по сравнению с воздействием проникающих повсюду принципов рыночного хозяйства, ибо оно затрагивает самые глубинные, экзистенциальные стороны человеческого существования: отношения полов, рождение детей, жизнь, любовь, смерть.

Ни одна из главных российских демографических проблем не решается и не может быть решена в рамках только внутреннего контекста.

Конечно, такой подход не всегда встречает понимание. Ведь еще Чаадаев писал, что «про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру»¹. По собственному опыту знаю, что в любой аудитории всегда находится человек, который на любые сравнения России с другими странами откликается, как на зов боевой трубы. Иногда им не нравится объект сравнения: почему Америка? почему Япония? почему Португалия? и т.д. Но чаще они вообще не признают правомерности сравнения России (а прежде – Советского Союза) с кем бы то ни было. Конечно, говорили они, например, в советское время, рождаемость снижается и у нас, и у них. Но причины-то совершенно разные (предполагалось, что они знают причины). Как же можно сравнивать?

А сейчас добавилось еще одно табу на сравнения, правда, немного иного рода. Буквально три дня назад я участвовал в одном обсуждении, происходившем в этом самом здании, где один из участников заявил категорический протест против сопоставления сегодняшнего положения в России с советским периодом и увязывания сегодняшних проблем с советским прошлым.

Чем больше задумываешься над подобной реакцией, тем яснее становится, что значительной части нашей обычной аудитории (впрочем, думаю, не только нашей, но я сейчас говорю о нашей ситуации) свойственно отторжение любых аргументов, разрушающих мифологию российской (а прежде – советской) исключительности, которая так долго насаждалась властью, оправдывавшей само свое существование необходимостью оборонять «нашу» осажденную крепость от всего «не нашего». И хотя эта мифология уже порядком подорвана, она еще не мертва и продолжает застилать глаза, в том числе и при анализе демографической реальности.

Я попытаюсь проиллюстрировать этот тезис на примере мифологем, касающихся всех трех основных демографических процессов: смертности, рождаемости и миграции.

Начнем со смертности.

Смертность

Существует миф о необыкновенных успехах советского здравоохранения, о каких-то его достижениях, которые заимствовали другие страны, и т. д. Но это – не более, чем миф, причем очень сильно раздутый. Его особенностью было то, что он никогда ничем не подтверждался, статистика здоровья и смертности либо отсутствовала, либо была засекречена. Советские люди напоминали жителей Изумрудного города, которым не разрешалось снимать зеленые очки, чтобы они не дай Бог не увидели, что город не изумрудный. Теперь же они сняли очки и, ослепленные действительностью, мечтают о том, чтобы надеть их снова. Но они не хотят признать, что изменились их знания о предмете, а не сам предмет.

Разумеется, в XX веке в России (и в СССР) происходили значительные позитивные изменения. Но при этом за особые успехи социализма выдавалась обычная в XX веке для всех стран – сначала европейской цивилизации, а затем и всех остальных – модернизация смертности в результате глобализации западных достижений в борьбе со смертью. (Замечу, что глобализация методов борьбы со смертью – важнейшая составляющая всей современной глобализации и один из

¹ Чаадаев П. Философические письма. Полн. собр. сочинений и избранные письма. М., Наука, 1991. т. 1, с. 326.

главных источников нынешних мировых проблем). Россия же всегда выступала в качестве пассивного объекта этой глобализации, жила использованием этих достижений, притом не очень эффективным.

.....

Чтобы снизить смертность, надо идти по тому пути, по которому идут все. Надо вкладывать деньги в ту безопасность, которая отвечает на реальные, а не выдуманные опасности. Япония стала чемпионом мира по продолжительности жизни, когда она забыла о своих великодержавных претензиях, в прошлом совсем не маленьких. Для нас сейчас – это вопрос выбора: в чем мы видим величие страны. В том, что наши 17 миллионов квадратных километров будут во веки веков включать в себя острова Шикотан и Итеруп, или в том, что средний россиянин будет жить по крайней мере не меньше среднего японца.

Рождаемость

Здесь главный миф заключается в том, что прокреативное поведение людей полностью определяется положением внутри страны, и притом в основном экономическим положением. Все сравнения это опровергают, но тем хуже для сравнений.

Развитие мифа приводит к выводу, что положение можно изменить с помощью правильной социальной политики. Какой именно, никто не знает, но предполагается, что этот философский камень существует.

Между тем, путь в поисках «правильной» политики, способной влиять на рождаемость, давно уже исхожен вдоль и поперек. Аналитики выделяют четыре типа такой политики²:

1. *Социал-демократическая* политика характеризуется предоставлением государственных пособий всем семьям, высоким уровнем материальной помощи работающим родителям и усилиями, направленными на обеспечение гендерного равенства. Она типична для скандинавских стран;

2. *Консервативная политика* ориентирована на оказание помощи семьям на среднем уровне, пытается учитывать характер занятости родителей и исходит из более традиционного гендерного разделения труда. Примеры такой политики дают Германия, Франция, Нидерланды;

3. Политика, типичная для *стран Южной Европы*, сильно дифференцирована в зависимости от характера занятости родителей и включает сочетание публичных и частных услуг и пособий. Она не ставит своей целью обеспечить единый для всей страны гарантированный минимальный уровень дохода. К этой группе стран относятся Греция, Испания, Италия, Португалия.

4. *Либеральная* политика отличается низким уровнем помощи семьям, ориентирована только на наиболее нуждающихся и рассчитывает на рыночные механизмы, особенно в то, что касается ухода за детьми. В Европе такой политики придерживаются Великобритания и Швейцария, за ее пределами – такие страны, как США и Австралия.

Однако обнаружить зависимость между типом семейной политики и уровнем рождаемости не удается (рис. 1).

² Gauthier A.H. Les politiques familiales dans les pays industrialisés. Population, 2002, n° 3 p. 462-463.

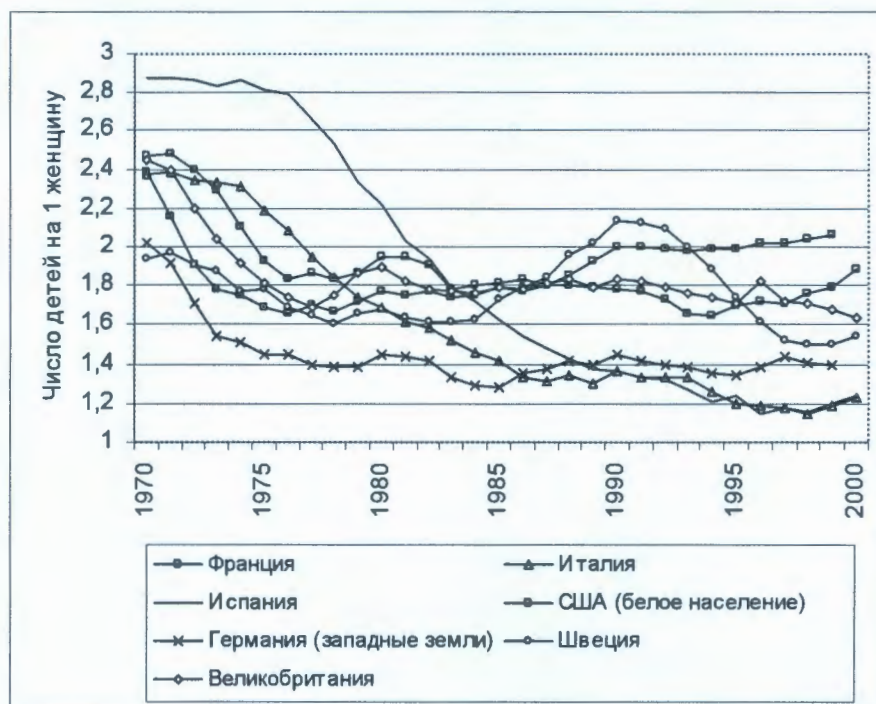

Рисунок 1. Рождаемость в некоторых западных странах с разными типами семейной политики

Две страны, олицетворяющих два совершенно разных подхода к семейной политике, - «социалистическая» Франция и либеральная Великобритания – имеют очень близкий уровень рождаемости. В то же время в близкой по типу семейной политики к Франции Германии этот уровень намного ниже. А выше всего он в США, где семейная политика крайне слаба (рис. 1 и табл. 1).

Таблица 1. Меры семейной политики и уровень рождаемости в некоторых западных странах

Страна	Денежные пособия и льготы в % к средней зарплате промышленного рабочего			Продолжительность отпусков по беременности и родам и по уходу за ребенком			Коэффициент суммарной рождаемости		
	1972	1985	1999	1970	1985	1999	1970	1985	1999
Великобритания	10,2	12,8	8,1	18	18	44	2,44	1,79	1,68
Германия	8,0	12,0	21,2	14	14	162	2,02	1,28	1,40
Испания	7,3	5,1	9,3	12	162	164	2,87	1,63	1,20
Италия	11,7	8,9	13,6	17	48	65	2,37	1,42	1,19
США	8,8	7,5	10,8	0	0	12	2,39	1,79	2,07
Франция	17,9	14,9	12,7	14	110	162	2,47	1,81	1,79
Швеция	12,6	11,0	8,2	26	85	85	1,94	1,73	1,50

Источник: Gauthier A.H. Les politiques familiales dans les pays industrialisés. Population, 2002, n° 3 p. 480.

Более того, именно страны, пережившие тоталитарные режимы, пытавшиеся влиять на семейное и демографическое поведение людей (Германия, Италия, Испания, Россия и т.п.), демонстрируют уже в наше время самое глубокое падение рождаемости. Возможно, это связано с тем, что государственное вмешательство в любых формах – и с помощью кнута, и с помощью пряника – не увеличивает силы самоорганизации семьи, а уменьшает их и делает семью беззащитной перед влиянием разного рода экономических и социальных стрессов.

Вероятно некоторое, скорее всего, очень незначительное, а главное, недолговременное воздействие на прокреативное поведение, а тем самым и на уровень рождаемости с помощью мер социальной политики оказать можно. Но, по большому счету, речь идет, видимо, о процессах, детерминанты которых вообще лежать не внутри отдельных стран, а вытекают из глобальной ситуации, Но об этом я говорил прошлый раз, и это есть в опубликованном тексте. Если моя гипотеза верна, то именно глобальный контекст оказывается решающим при формировании тенденций рождаемости, а повлиять на него сейчас мы практически не можем – и никто не может.

Миграция

Миграционная околонукальная мифология очерчена не так четко, как мифология смертности и рождаемости – она просто еще не успела отстояться, потому что советская мифология была иной.

Но тут важно отметить огромную недооценку именно глобального компонента. Все рассуждения опять строятся на видении проблемы только «изнутри». Как «мы» (кто это «мы»?) сочтем нужным, так и будет.

На самом деле, давление – с двух сторон – важнее.

«Неоколониализм».

Либерализм – не от глупости или «благости», а от понимания невозможности закрытости.

Американский путь – разумная альтернатива закрытости, хотя и он не все решает.